

Литературные судьбы писателей коренных народов Сибири: проблема «писатель и история»

Данная статья носит характер предварительных заметок к теме. На примере нескольких вариантов творческого поведения писателей младописьменных литератур (Ю.С. Рытхэу, В. Санги, А. Неркаги, Ю. Вэлла, П. Киле) показывается необходимость постановки проблемы осознания писателем его роли в культуре своего народа, в русской литературе, в мировых культурных процессах, а также изучения вопросов влияния опыта младописьменных сибирских литератур на современную русскую литературу. Рассматривается проблема «судьба писателя и история» — как художник воспринимает и отражает историческую реальность, какую роль играет образ писателя, создаваемый им самим, его исследователями, издателями, читателями, СМИ, и его жизненный путь в формировании истории литературы и культуры России.

До появления младописьменных литератур в XX в. у народов Сибири (коренных малочисленных народов Севера) в силу существования традиционного родоплеменного уклада и мифологического сознания не было истории как таковой. История появляется вместе с ее рефлексией в литературе и рефлексией писателя о собственной роли в литературе и судьбе своего народа. То есть в случае младописьменных литератур история и литература народа неразрывны — все литературные произведения в той или иной мере историчны, поскольку их событийной канвой становятся те изменения, что происходят в жизни малого народа в связи с воздействием на него российской истории, русской культуры (а в XX в. это масштабные потрясения), точно так же все они в той или иной степени несут в себе черты мифологизма — разрушающегося или же сохраняемого вопреки тенденциям времени. Писатели — те люди, которые ведут народ за собой, меняют его жизнь и культуру.

У **Ю. Рытхэу** (1930–2008) есть рассказ, написанный в 1970-е гг., — «Воспоминание о Баффиновой земле» — о печальной судьбе

эскимоса, ребенком усыновленного канадским этнографом, но не прошедшего до конца весь путь воспитания и образования белого человека. По сюжету он покидает приемных родителей ради возвращения на родину, но там не принимают его, даже когда он научается охотиться: несмотря на кровь, т.е. биологическое родство, он для них чужой, представитель другой культуры. Так что в итоге он становится спивающимся грузчиком в городе приемных родителей, скрываясь от них. Понятно, что в связи с социальным заказом сюжет Рытхэу заострен до черно-белых контрастов, однако проблема ассимиляции / сохранения национальной культуры была острой для него всегда: и в студенческие годы, и когда он заседал в президиумах и т.п., и в годы полного забвения в России, но издательского и читательского внимания в Европе. Никакая «кровная чистота» у малочисленных народов Севера никогда не имела значения по вполне понятным законам выживания и генетического здоровья (этот мотив у Рытхэу подчеркивается, о нем самом говорили, что он сын американского моряка), но культурная идентичность поддерживалась через сохранение языка, обрядов, традиций, быта, через осознаваемое в каждой подробности противопоставление своей культуры чужой, свидетельства чему можно опять же найти в любом тексте Рытхэу. Советская политика по отношению к коренным народам принципиально не отличалась от американской политики рубежа XIX–XX вв. относительно индейцев (зато сейчас отличия видны сразу). И те и другие видели только два пути: уничтожение коренных народов, чтобы не было помехи промышленному освоению земель, или их ассимиляция с той же целью. Понятно, что наступил момент, когда первым путем открыто следовать стало нельзя, в СССР он был официально соотнесен властью с царской Россией. (Скрытое следование этому пути осталось в спивании коренных жителей, что было запрещено в некоторых регионах до революции.) Ассимиляция выра-

жалась в принудительном обучении детей в интернатах, а части из них и далее в университетах. В СССР — в Институте народов Севера в Ленинграде, самом «культурном» городе страны. Унификация происходила также через принуждение народов-охотников к земледелию, замену жилья, одежды и традиционной еды. И конечно, государственный язык вытеснял родной как избыточный, не только «не нужный», но и даже «некультурный». Самого Рытхэу лингвисты упрекали в том, что он отказался от родного языка и писал только на русском (ведь его ранние рассказы — это начало чукотского литературного, который в итоге так и не родился). Но тот же Рытхэу переводил на чукотский Пушкина и Толстого. Вообще, стандартная полемика с «зарубежной критикой» выглядела так: «Ваши писатели коренных народов пишут на русском, это не национальная самобытная литература! — Мы были бы счастливы знать, что ваши индейцы пишут на английском. Но они не пишут вообще». (Сейчас эскимосы снимают собственные фильмы.) Став писателем, Рытхэу жил в Ленинграде, в 1990-х едва не эмигрировал в США. Соседские дети бегали поглазеть на него, как на «чукчу»:

— А это правда, что у вас в семье есть чукчи? — спросил мальчик.

— Есть, — ответила жена. — Вон, видишь, в окне? Сидит за компьютером.

Мальчик с плохо скрываемым удивлением долго смотрел на меня, а потом произнес скорее для себя:

— А я думал, чукчи бывают только в анекдотах...

Потом я слышал, как этот соседский мальчик делился со своими сверстниками:

— Дядя Юра работает чукчей на компьютере¹.

В книгах он оборонялся от нападок фольклористов, которым не хватало в его творчестве легенд и мифов. Вместе с тем никто не передал так обычаи и дух своего народа читателям всего мира, как он; жизнь арктической культуры, которая и ужасает, и восхищает. Мирового читателя Ю. Рытхэу обрел с первых книг (1950-е гг.), привык к нему и писал для него; получил телеграмму от Хемингуэя: «Так держать!» Шоком была для него изоляция от русского читателя с 1990 г. (Абрамович издавал его малыми тиражами, которые полностью вывозились на Чукотку), но и она начала рассасываться, хотя и очень медленно. Ю. Рытхэу никогда не переставал осмысливать русскую культуру — но всегда это

было в сравнении со своей, и это в итоге оказалось необыкновенно творчески продуктивным. Основные события произведений Рытхэу — исторические: первые торговцы, американские и русские, на Чукотке и их контакты с местным населением; зимовка экспедиций; революция и обучение грамоте; коллективизация; изменение быта в соответствии с «прогрессом»; деградация после перестройки и др. Однако и самые тенденциозные произведения с использованием канонов соцреализма остаются вполне читаемыми и интересными именно за счет отражения в них национальной специфики, менталитета жителя Арктики, ценностей северянина. Изображение истории дает необходимое движение жизни, масштабность, всеохватность, а мифология несет неповторимый колорит и своеобразие этой прозы. Показать традиционную культуру для Рытхэу оказывается возможным лишь одним способом — через повествование об ее уничтожении, не так важно во имя чего и по каким причинам происшедшее в реальности. И фиксация этого навсегда сохранит уникальность чукотского этноса в литературе, но, видимо, никогда не воскресит ушедших традиций.

Владимир Санги (р. 1935) — основатель нивхской литературы, автор учебников для нивхских школ, издатель русских классиков в переводе на нивхский язык. Свои поэтические произведения писал на нивхском языке, прозаические — на русском. Учился в Ленинграде, работал в Москве (секретарь правления СП РСФСР с 1975 г.). В начале 1990-х гг. он полностью перестает писать и становится вождем своего народа (племени Кет нивгун), создает стойбище по образцу резерваций, где идет изолированная от остального мира жизнь по воскрешенным традициям нивхов². (А остальной мир — это нефтяники Сахалина, т.е. экологическое и социальное неблагополучие.) Здесь типичный путь для советского писателя национальных литератур с уклоном в формальное функционирование резко меняется на противоположный — заботу о своей культуре, возрождении своего устного языка и своей земли, что выразилось в полном отказе от каких-либо компромиссов, среди которых — литературное творчество для русского читателя. В то же время в 2012 г. он переводит на нивхский язык Декларацию прав человека — политический документ на «фольклорно-эпический язык»³. Иногда В. Санги дает интервью⁴, в региональной прессе замечают его юбилеи (70, 75

лет). Примеру нивхов последовали юкагиры в республике Саха. Как и Рытхэу, Санги писал романы, соотнесенные с русской историей, с периодами, когда национальная культура разрушалась особенно интенсивно от вторжения промышленной цивилизации. В то же время Санги изначально уделял значительно большее внимание мифологии, чем чукотский писатель, — аналога эпосу «Легенды Ых-мифа» у Рытхэу нет. Возвращение к ней, как к главному, и в первую очередь забота о возрождении языка стали для него делом жизни.

Я долго размышлял над проблемами сохранения языка как основы нивхской культуры. И пришел к выводу — если ограничиться только преподаванием в школах, ситуация не изменится. Пока нивхский язык вновь не зазвучит в семьях, знания, которые мы даем детям, будут мертвы. Связать разные поколения в семье может детская книга, которую будут читать вместе и стар и млад. Так родилась идея — создать библиотеку нивхского школьника. В нее вошли мои произведения, написанные на основе национальных мифов и преданий⁵.

Литература здесь имеет подчиненное значение для воссоздания языка, передачи традиций, оформления самосознания. Однако в этой своей утилитарной функции она становится краеугольным камнем для культуры народа, что в какой-то мере соотносимо с развитием русской литературы: древнерусская книжность также длительное время имела в основном прикладной характер.

Анна Неркаги (р. 1951) принадлежит уже следующему поколению северных писателей — образцовая ненецкая писательница с точки зрения западных исследователей, автор четырех повестей, две из которых были созданы в конце 1970-х гг. («Анико из рода Ного», «Илир») и две — в середине 1990-х («Белый ягель» и «Молчащий»), а также ряда очерков. С 1996 г. она не пишет, но к ней, как к оракулу, ездят журналисты, доступны к просмотру телеинтервью 2001–2011 гг.⁶ Она живет и работает в тундре со своим родом и приемными детьми. Проза Неркаги проникнута твердым нравственным знанием о смысле человеческой жизни, о том, как она должна идти. Это знание она передает детям, которых учит традиционной ненецкой жизни и ценностям рода. Конечно, все ценящие ее творчество хотели бы, чтобы она вела более спокойную жизнь в городе и создала что-то еще, но А. Неркаги выбрала «жизнестроительство» (ее собственный термин). «Сними-

те шляпы, господа, мы будем говорить о гении. Гении ненецкого литератора, выразившем сокровенный смысл северной цивилизации своего небольшого народа...», — так начинается В. Рогачев свой критико-библиографический очерк о Неркаги⁷. Однако литературный гений она обменяла на служение людям. Константин Лагунов, который и ввел Неркаги в литературу, сетовал:

Как можно было в двадцать девять лет, завоевав литературное имя, доказав недюжинный талант, вдруг кинуть все: город, квартиру, признание, творчество, кинуть и заживо похоронить себя в тундре, жить в чуме, где никаких примет цивилизации, где первобытный быт, где вся энергия души и тела уходит лишь на то, чтобы не погибнуть, выжить?

На этот вопрос я до сих пор не нахожу ответа, хотя он и торчит у меня костью в горле. Я то и дело возвращаюсь к нему, но...

Решение Анны — загадка, неразгаданная мною по сей день. Вот какие изломы, какие невообразимые выкрутасы таятся в душе женщины! Несколько месяцев я пытался переломить настрой Анны. Уговаривал и просил. Увещевал и требовал. <...>

Я проиграл. Нашему уговору минуло уже одиннадцать лет. <...> Ничего другого Анна тоже не написала. Недавно я предпринял, опять безнадежно, еще одну попытку вернуть Анну в литературу, обратился к ней через газету, умолял опомниться, одуматься, вернуться к писательскому труду. «В ответ тишина», как пел Высоцкий. Обращался я к ней и по радио, и через центральную прессу. Однажды удалось даже поговорить с ней по телефону. Анна обещает подумать, но... Воз и ныне там...

Убежден, за годы, потраченные на каслания по тундре, Анна написала бы не одну яркую, талантливую книгу, ставшую достоянием не только российских, советских читателей, но и читателей Европы, Азии и Америки...

На этой минорной ноте я заканчиваю рассказ о творчестве и жизни Анны Павловны Неркаги, которую Бог щедро наделил талантом, дал ей мудрость, поразительную жизнестойкость и работоспособность.

А еще он дал ей вольнолюбивую душу извечных кочевников-властителей тундры, для которых весь смысл жизни в движении по бескрайним заснеженным просторам.

Они задыхаются в каменных джунглях наших городов.

Им нужен простор. Им необходима воля. Все солнце. Весь ветер.

Они усыхают душой и телом без живой горячей оленьей крови. Всех яств и лакомств для них дороже сырое мясо да сырая рыба.

Может, все-таки случится чудо: Анна внемлет моему зову?

Бог знает...⁸

Как известно, чудо случилось, но ненадолго, и уже снова 16 лет молчание. В интервью 2001 г. Неркаги объясняла это так:

Я еще пишу. Но я поняла, что не обязательно быть писателем. В писательство нельзя углубляться. Писать нужно не книгу, писать нужно жизни. Жизнь — это есть самая главная книга любого творческого человека. Надо бороться против человека, против плохого, что в нем. Надо вынуть из человека его душу, посадить с собою рядом, взглянуть в лицо этой душе и сказать, что хорошо, а что плохо. Вот это творчество. Сейчас для меня самое главное — мои дети, моя вера. Может быть, моя самая главная задача состоит в том, чтобы быть Богу помощником. Заниматься жизнестроительством. Мы вот две часовни уже построили. Собираемся церковь строить. Открываю авторскую школу у нас в Лаборовой. <...> Раз уж вы напрашиваетесь, я буду с вами разговаривать откровенно. Я ведь тоже могла жить в пределах собственной жизни. Была бы сейчас писателем очень знаменитым. Вполне возможно, не только в России. Я бы с утра садилась в своем рабочем кабинете и писала бы для себя. Я бы имела деньги, я бы, наверно, даже с вами разговаривать не стала. Но я бы не взяла этих одиннадцать сирот⁹.

В какой-то мере эта позиция уже известна в истории русской литературы — отказ Гоголя от творчества ради веры, сожжение второго тома «Мертвых душ», путь Льва Толстого: опрощение, азбуки для чтения. В какой-то мере она кажется совершенно неприемлемой литературоцентричному сознанию в парадигме светской культуры, где отказ от дара, таланта — преступление. Однако молодая этническая литература развивается по собственным законам и слишком тесно связана с судьбой народа. Возможно, действительно, выражение «души народа» в слове менее важно, чем сохранение души у его конкретных представителей. «Молчащий» — ненецкий Апокалипсис, притча, другие же произведения Неркаги остросоциальны и современные, их внутренний мир слишком хорошо знает об историческом времени и пытается противостоять ему.

Юрий Вэлла (1948–2013) — воплощал практически идеальный образ современного северного писателя. Он жил в своем стойбище в месте, где родился. К нему часто ездили в гости друзья-литераторы (а их было много!), он сам посещал, кого мог¹⁰. Для литературной работы использовался современный ноутбук. У Ю. Вэллы есть авторский сайт на девяти языках, где можно ознакомиться с его творчеством, заказать книги, посмотреть фильмы о нем¹¹. О своем языке он говорил как о «ненецко-хантыйско-русском языке в ненецко-хантыйско-русской форме»¹². В 2010–2011 гг. его «заметил» журнал «Дружба

народов» и опубликовал два очень поэтических текста в разделе «Публицистика»¹³. По мнению коллег, писал Вэлла редко, но писал, и все написанное имеет подлинную ценность. Любопытны рассуждения Вэллы о связи языка и ценности поэтического текста, высказанные им в беседе с индейским поэтом в Университете IAIA для студентов-индейцев:

Десять тысяч лет назад в человеческой цивилизации каждый, кто умел говорить складно, признавался гением. Пять тысяч лет назад был признан гением каждый поэт. Тысячу лет назад — только каждый десятый поэт мог считать себя гениальным. Сегодня в литературах больших языков из тысячи поэтов трудно найти хотя бы одного настоящего гения. Потому что поэтические возможности больших языков почти исчерпаны. Трудней стало находить новый, свежий, не использованный ранее поэтический образ. Сегодня наши младописьменные языки способны привнести в мировую литературу свежие поэтические образы, свежее поэтическое мировоззрение, новое поэтическое Слово¹⁴.

(В начале «Записок ненца, побывавшего в гостях у индейцев» делается оговорка, что они стилизованы под манеру изложения родственника Хани, «никчемного человека» и «депутата», т.е. автор добавляет момент юмора, самоиронии, но тем не менее мысли принадлежат Вэлле.) Логика своеобразная, но, по крайней мере, очень способствующая развитию младописьменных литератур. Юрий Вэлла был убежден, что ненецкая и хантыйская литература нужна миру, и это положительный стимул к развитию. Не случайно с определением жанров творчества Ю. Вэллы всегда возникают проблемы.

Попробуйте определить жанровую принадлежность художественной формы Юрия Вэллы... Это не эссе, не коллаж, тем более не рассказ, не поэма, а нечто самобытное, идущее от ненецкого фольклора, своеобразный «слепок» народной души, по-детски светлой, наивной, ранимой и по-стариковски мудрой одновременно (М. Мельников)¹⁵.

Честно говоря, мне кажется, что граница между поэзией и прозой в его творчестве довольно условна. Лирика его «выходит» на эпос, а проза глубоко лирична — они сильно дополняют друг друга. От книги к книге ширится мир «ненецкой души», создаваемый Ю. Вэлла. <...> Вообще, народный язык и фольклор — традиции родного слова — заставляют дерзко ломать границы устойчивых литературных канонов, традиций, жанров, понятий. Вэлла, как поэт и прозаик, представляет собой органически редкое сочетание устных традиций и литературных инноваций (А. Ващенко)¹⁶.

Жанр книги «Поговори со мной» и не определить. Как пишет в письме, приведенном в начале книги, Б. Корнаков «кажущиеся на первый взгляд несовместимыми и абсолютно разными по смыслу триптихи, загадки, диалоги, топонимические понятия». Свобода автора чувствуется и в такой концепции книги. Лишенная назидательности, подчеркнута свободная подача духовного опыта Юрия Вэллы убедительнее ведет читателя к верным выводам в поисках гармонии жизни (Л. Царькова)¹⁷.

Жанровый синкретизм и неизбежный (неизбывный) лиризм — следствие установки на «космос», «вечность». Все, что происходит в текстах Ю. Вэллы, — происходит всегда: и в прошлом, и здесь и сейчас, и должно существовать в будущем. У него нет истории как таковой — есть, казалось бы, процессы забвения, отхода от традиций, но они никогда не актуальны, поскольку он сосредоточен на возрождении, на жизни, на непрерывности, взаимосвязи всего со всем. Хотя сам Ю. Вэлла являлся создателем и хранителем «экомузезя», но это не тот музей, где хранятся экспонаты из прошлого.

В наше стойбище, где мы непосредственно живем, не на показ, а сами для себя, приезжают люди, смотрят, изучают эту жизнь, какая она бы ни была. Мы не специально сохраняем традиционный уклад на стойбище, а живем так, как можем. Что-то традиционное, что-то уже стилизованное, что-то уже на уровне современной европейской культуры, а что-то национальное, которое под влиянием новых культур перелицевалось и стало тоже национальным, но под новым углом зрения. Человек, серьезно занимающийся этими проблемами на предметах нашей семьи, наших соседей, может судить, как меняется жизнь, хорошо это или плохо, какой опыт из этого можно извлечь для других народов¹⁸.

Цель этого музея — связать духовно в неразрывное целое череду поколений ненцев и хантов, внуков и прадедов. Фактически, благодаря очень высокому уровню культуры и образования, Ю. Вэлла абсолютно органично и успешно воссоздает мифологическую картину мира, деформированную ходом истории, сохраняет и развивает язык через многоязычие. Литературное творчество неотъемлемо у него от творчества жизни, в отличие от ситуации А. Неркаги или В. Санги они не вступают ни в какой конфликт, а поддерживают и обуславливают друг друга, хотя Ю. Вэлла являлся таким же непримиримым борцом с нефтяниками и защитником прав своего народа, как и нивх и ненка. Это синкретизм, но на новом уровне развития и мышления.

Совсем иной случай мы можем увидеть, если обратимся снова к дальневосточным народам — судьбе нанайского писателя **Петра Киле** (р. 1936), блестяще дебютировавшего как прозаик в 1970 г. повестью «Птицы поют в одиночестве» (журнал «Аврора») и «исчезнувшего» после 1989 г. В его случае мы как раз наблюдаем плоды ассимиляции, с рассказа о которой начали. Герой его повести стесняется быть нанайцем, чувствует от этого унижение. Ему кажется, что в нем видят музейный экспонат, зверя. Киле отторгает нанайское, как не имеющее традиций великой культуры, как «тьму», «болото». Сейчас Петр Киле очень огорчается, если в нем видят нанайца, считает злом распад русской литературы на этнические.

Но все это, увы, вне внимания и интереса русских писателей, искусствоведов и издателей, занятых в большей мере уничтожением России и разрушением единого культурного пространства, с выделением этнических культур и конфессий, что ведет к дальнейшему распаду Российское государство¹⁹.

Пишет он о «русском Ренессансе», о Петре I, Пушкине, Лермонтове, Глинке, Сурикове, а также на античные мотивы — об Орфее и Эвридике, Праксители и Фрине, Сократе и т.д.²⁰ Своим языком мысли и выражения считает только русский. Детское желание слиться с «интеллигентностью» задало импульс на всю жизнь.

Сколько там ни жило людей, зла они мне не делали, а только желали добра, но зачем я отличаюсь от них? И что со мною будет, если я такой?

<...>

Казался природным наш быт во всех национальных проявлениях. <...> Само слово — орнамент. Природа, одним словом, стыд. Мир прекрасного — это школа, книги, русская речь. Природа меня закабаляла, культура — освобождала. Я хотел снять с себя природное и перейти весь в мир культуры. В школе я и проделывал это, и радовался, как легко мне стало удаваться это превращение. Я пел песни. Я читал книги. Но беда, я родился с печатью национального быта, я — это халат моей Дени, мои страхи и стыд, я — предмет этнографии, как шаман и его мазанка, я — человеческая окаменелость, заморыш исторической жизни человечества. Смешно вспомнить, как мы играли в индейцев, сами те же индейцы на пороге современной цивилизации. Я знаю, я живу в России, я свободен и счастлив, но я не могу забыть об индейцах в резервациях, о неграх в гетто, и тени их унижения и позора я чувствую на моем лице и сейчас. Ребенком мне хотелось умереть и где-то в России родиться заново. Я об этом много мечтал. Но делать нечего. Быть так. Теперь уже не песни, а книги меня спасали²¹.

Сейчас Петр Киле много пишет, но его не печатают, за исключением одной книги исторических драм для чтения на волне юбилейных торжеств в Санкт-Петербурге в 2002 г. Он стал чисто сетевым автором.

Петр Киле высшим проявлением искусства считает миф, обретший классическую форму.

«Война и мир» — вот вам миф! Высочайшая поэзия действительности, широчайшая историческая реальность, все здесь здоровое и гармоничное, как и должно быть в мифе. Миф по своей природе не знает ни рефлексии, ни разнуданности человеческих страстей, ни односторонности идеологических пристрастий²².

Не случайно огромная часть его творчества после 1990 г. — это обработка античных мифов. Вместе с тем он сосредоточен на истории: европейской — от античной Греции до Возрождения (но не далее!) и особенно на русской — от петровского времени (но не ранее!) до начала 1920-х гг., поскольку именно эта эпоха, с его точки зрения, продолжает Возрождение, закончившееся в самой Европе. В приведенной цитате выражение мифа для него — роман об исторических событиях; история в целом для Киле мифологизирована — это не ход времени, события, меняющиеся мышление и условия жизни, но некие высочайшие образцы, застывшие в вечности: мифологизированные образы царей, поэтов, художников. Внимание Киле приковано к неизменному, статуйному. Поскольку идеологически Советский Союз являлся утопией, мифом, Петр Киле мог реализоваться в его системе и навсегда остался в ней духовно. В то, что произошло после 1989 г., он не смог вписаться, не принял перемен и не примирился с ними. Поэтому провозгласил свою «смерть», «посмертное существование» в несуществующей стране. Подобного типа пространство также сугубо мифологично. Русская культура являет образцы прекрасного, нанайское же было подвержено распаду и уничтожению в его картине мира в силу своего несовершенства — невключенности в мировую историю культуры, несоответствия образцам. Превращение истории в миф — это, фактически, бегство от истории. Если Рытхэу принимал историю, несмотря на отчасти катастрофические последствия для национального, а Ю. Вэлла принимал ее, растворяя в космосе непреходящих ценностей, укорененных в национальном, если В. Санги и Анна Неркаги духовно не принимают ее и

пытаются создать национальные твердыни вне течения времени, то П. Киле также убегает от истории, но в равной степени и от своего этноса, для него это одно и то же.

Таким образом, самореализация младописьменного писателя — очень непростой процесс и для него самого, и для читательской аудитории России, особенно в ситуации «дебилизации» населения, которая вызывает все большую тревогу. Быть понятым своим народом, доказать свое право на существование в России, остаться в памяти потомков не изувеченным медиатехнологиями и политическими приоритетами, просто писать как хочется и чего душа просит — все это проблематично сегодня, все на грани стирания. Северные писатели часто выбирают путь «молчащих писателей», и тогда наиболее распространенным жанром становится интервью с ними. И очень важно не дать уйти в небытие еще теплящемуся процессу литературного творчества и, возможно, способствовать зарождению нового, не закрывая тему северных литератур невниманием к ним. Насильственная ассимиляция помимо положительной роли рождения литературы у «пограничников» — носителей в равной степени обеих культур, сумевших выразить одну через другую (одну средствами другой), сыграла свою отрицательную роль еще и в том, что литература как феномен духовной жизни становится ненужной при восстановлении традиционных ценностей и традиционного уклада либо же, напротив, писатель, который мог выразить душу своего народа, отказывается от этого, как вообще от этнических корней, и мы опять теряем младописьменную литературу. В то же время без билингв, без выхода в русскую литературу в лучшем случае возникнут сказители, но не писатели.

В связи с темой «молчащих писателей» любопытно затронуть еще один момент. В конце 2011 г. вышла книга А. Григоренко «Мэбэт», вызвавшая положительные рецензии и читательские отклики. Роман позиционирован как основанный на ненецком фольклоре. В нем транслируется миф о непостижимости и молчании северных народов. Ужасно то, что читателями перепечатывается не столько корректная рецензия Л. Данилкина, где справедливо отмечено внутреннее сходство сюжета с греческой трагедией и мифом (судьба человека как развлечение для равнодушных богов)²³, сколько рецензия Галины Юзефович²⁴, которую трудно обозна-

чить иначе, чем словом «хамство» по отношению к ненцам, да и вообще народам Севера. Возможно, Юзефович ангажирована нефте- и газодобывающими компаниями, в чьей картине мира ненцы и прочие действительно лишние. Полное отсутствие толерантности делает молчание младописьменных писателей более чем понятным и психологически объяснимым: они не хотят говорить для тех, кто узурпирует и уничтожает их дом, не видит права на жизнь их культуры, включая литературу. Юзефович не знает о том, что существует ненецкая литература, ненецкие филологи и т.д. Она считает, что ненцам «повезло», что им подарили такой «эпос», но они его вряд ли осияют, чтобы на такой замечательной культурной основе создать что-то стоящее. Вообще, ни один рецензент «не знает» о существовании младописьменных литератур Севера — Рытхэу, Шесталова, Ходже-ра, той же Неркаги и др. Иначе им бы стало очевидно, что перед нами не «небывалое» явление в контексте Петрушевская — Прашкевич, а роман, чье появление было бы невозможно без младописьменной литературы, из которой он очень, очень много берет, а не обрабатывает фольклор напрямую. Тогда бы исчезли настойчивые разговоры об «эпосе» и новом Лонгфелло для безъязыких индейцев. (Еще определения — «этнографический роман»²⁵, «фольклорная сага»²⁶, «авторская мифоэтносага»²⁷.) У книжной критики в России есть один нюанс — она оплачивается издательствами с целью сделать книгу продаваемой. И если кто-то впишет ее в ряд «Когда уходят киты» и «Лунный пес» Рытхэу или «Пегий пес, бегущий краем моря» (сюжет подарен В. Санги Ч. Айтматову), то это уменьшит ее продаваемость. Продается «русский Маркес»²⁸, но не, скажем, «Амос Тутуола в России» (классик нигерийской литературы на английском языке). Остается надеяться, что при переводе этой книги и издании ее за рубежом картина литературного процесса будет восстановлена, поскольку там северных авторов как части русской литературы стесняться не нужно, мы же за 23 года сделали младописьменную литературу крайне маргинальным явлением из естественно существующего. «Мэбэт» подчеркнуто внеисторичен, универсален, что обуславливает его привлекательность для читателя в силу «свежести» на фоне не столько исторических, сколько псевдоисторических сочинений. Это литературный миф, вобравший в себя куль-

туры Севера, ставшие понятными нам благодаря не в последнюю очередь писателям коренных малочисленных народов.

Работа выполнена в рамках интеграционного проекта СО РАН и УрО РАН «Литература и история: сферы взаимодействия и типы повествования».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рытхэу Ю. Дорожный лексикон. СПб., 2010. С. 21.

² Об этом в Интернет-архивах доступна программа А. Политковского 1997 г.: Ноглики: бег от цивилизации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.video.yandex.ru> > Все видеоролики пользователя > demetrafilm/view/23. Дата обращения 23.08.2012.

³ Слова Санги, прозвучавшие в интервью по поводу этого события. [Электронный ресурс]. URL: <http://news.astv.ru/video/vladimir-sangi-predstavil-v-moskve-perevedennuyu-na-nivkhskiy-yazyk-deklaratsiyu-prav-chelovek>. Дата обращения 22.08.2012.

⁴ См., напр., разделы «Мир Владимира Санги» и «На стыке разных культур» в сборнике: Нивхская литература. М., 2010.

⁵ Санги В. Урок нивхского // Российская газета. 2009. 9 авг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2009/08/06/nivhi.html>. Дата обращения 22.08.2012.

⁶ Заповедник. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=n6mdMACkT7M>. Дата обращения 22.08.2012; В ямальской тундре открыт первый семейный детский дом. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.1tv.ru/news/social/115696>. Дата обращения 22.08.2012.

⁷ Рогачев В. Гений чистой красоты // Молчаливый А. Неркаги: Повести. Тюмень: СофтДизайн, 1996. С. 405–414. Цит. по: Анна Неркаги. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gublibrary.ru/pub/pis/Nerkagi/Nerk.htm>. Дата обращения 22.08.2012.

⁸ Лагунов К. Анико из рода негнущихся // Портреты без ретуши. Тюмень, 1994. С. 22–48.

⁹ Кузьмина М. Месяц мертвого солнца // Дружба народов. 2001. № 6.

¹⁰ Юрий Вэлла в гостях у филологического факультета // Тюменский государственный университет. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.utmn.ru/n922>; Юрий Айваседа из рода Вэлла // Медвежий угол. № 16. [Электронный ресурс]. URL: <http://ecoclub.nsu.ru/isar/mu16/01.htm>; Ар-Серги В. Сближаются люди — в беде... // Дружба народов. 2010. № 2.

¹¹ Юрий Вэлла — Juri Vella. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jurivella.ru/>.

¹² Цит. по: Лагунова О.К. Феномен творчества

русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2008. С. 5.

¹³ Жанр одного из них — «художественно-этнографический мотив» (Вэлла Ю. Ставь чум выходом к солнцу // Дружба народов. 2011. № 4).

¹⁴ Вэлла Ю. Сумею ли когда-нибудь вернуться к началу пути? // Дружба народов. 2010. № 12.

¹⁵ Вэлла Юрий Кылевич // Издательство охотничьей литературы. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ohotprotory.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=206&Itemid=30.

¹⁶ Ващенко А. Живун // Вэлла Ю. Ветерок с озера. Проза и все, что напоминает прозу. Ханты-Мансийск, 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jurivella.ru/index.php/uudised/101-2009-08-27-20-53-46>.

¹⁷ Царькова Л. Юрий Вэлла и его книга о гармонии «Поговори со мной» // Проза.ру. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.proza.ru/2012/04/05/1534>.

¹⁸ Юрий Айваседа из рода Вэлла // Медвежий угол. № 16.

¹⁹ Несостоявшееся интервью // Феномен. 2009. № 1 (9). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.renclassic.ru/Ru/Phenomenon/786/791/>. Дата обращения 23.08.2012.

²⁰ Все значимые для автора тексты собраны на его сайте: Эпоха Возрождения. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.renclassic.ru/Ru>.

²¹ Киле П. Птицы поют в одиночестве. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.renclassic.ru/Ru/Prose/836/837/?page=2>.

²² Город юности моей, первые опыты, модернизм. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.renclassic.ru/Ru/Journal2/847/966/>. Дата обращения 18.08.2012.

²³ Данилкин Л. Мифопоэма о коренных сибирских народах // Афиша. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.afisha.ru/book/1867/>.

²⁴ Юзефович Г. Как бы эпос // Итоги. 2011. № 38. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.itogi.ru/artskniga/2011/38/169892.html>.

²⁵ Бавильский Д. Александр Григоренко: «Предсказуемость — это грех!» // Топос. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.topos.ru/article/literaturnaya-kritika/aleksandr-grigorenko-predskazuemost-eto-grekh>. Дата обращения 16.05.2012.

²⁶ Костырко В. Там, где нас нет // Русский журнал. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Tam-gde-nas-net>. Дата обращения 26.06.2012.

²⁷ Анкудинов К. Новый мир № 8. Кухлянки и вышиванки // Бельские просторы. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bp01.ru/public.php?public=2008>.

²⁸ Именно так рекламируют книгу. См. подборку рецензий на роман: Рецензии на книги, изданные в Arsisbooks. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arsisbooks.ru/Reviews/recenziya/36/>.